

Военная фантастика

коллекция

Валерий Большаков

КРАСНЫЕ ЗВЕЗДЫ

Сталинский сокол.
Позывной «Москаль»

Сталинский сокол.
Позывной «Варяг»

Танкист №1

Танкист №1.
Четыре танкиста

Ленинград
издательский дом
2026

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
Б79

Серия «Коллекция. Военная фантастика»

Выпуск 93

Иллюстрация на обложке *Михаила Федулова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства считается
противоправным и преследуется по закону*

Большаков, Валерий Петрович

Б79 Красные звезды: Сталинский сокол. Позывной «Москаль»; Сталинский сокол. Позывной «Варяг»; Танкист № 1; Танкист № 1. Четыре танкиста : сборник / Валерий Большаков. — Москва: Издательство АСТ, Издательский дом «Ленинград», 2026. — 864 с. — (Коллекция. Военная фантастика).

ISBN 978-5-17-189317-0

Красными звездами, символами непобедимой и легендарной армии Советского Союза, отмечали и крылья боевых самолетов, и танковые башни. И пилоты, и танкисты уничтожали врага, били фашистов — в небе Великой Отечественной или на кровавых полях той священной войны, не важно. Никто из них не делил Победу — она была одна на всех.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-189317-0

© Валерий Большаков, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

Сталинский сокол.
Позывной «Москаль»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. БЕГЛЕЦ

Пролог

Москва, 9 мая 2015 года

«Мессершмитт» атаковал в лоб — сверкая лопастями пропеллера, слившимися в круг, он пыхал коротким злым огнём крыльевых пушек.

Навстречу «Яку» понеслись дымные жгуты трассеров, малиновые и зелёные.

Жилин положил истребитель на крыло, уходя с линии огня, и вжал гашетку: «Як» затрясся, посылая очередь — двадцатимиллиметровые снарядики порвали «мессеру» крыло, добрались до кабины — брызнули стёкла — и впились в мотор.

Полыхнуло пламя.

Фашистский самолёт промелькнул мимо, копотно-чёрный шлейф стелился за ним, как траурная лента...

Изображение замерло, и на экране всплыла надпись: «Game over».

Жилин со вздохом оторвался от компьютера, отпуская джойстик, и впрямь походивший на игрушечную ручку управления «Яком».

— Молодец, деда! — воскликнул правнук. — Сбил!

— Опыт есть, Пашка, — усмехнулся Иван Фёдорович, полковник авиации в отставке. — Единственное — ерунда эта твоя «стрелялка»... Как бишь её...

— «Уорлд оф варплэйнс»! — важно выговорил Павел. — А почему ерунда?

— Ну-у... Как тебе объяснить... Ну, вот этот «худой»...

— Кто-кто?

— «Худыми» мы «Мессершмитты» называли — у них фюзеляжи узкие. Во-от... «Мессеры» очень редко атаковали в лоб, чаще они уклонялись. Немцы не любили геройствовать.

Правнук примолк.

Забравшись к деду на колени, он сказал тихонько:

— Деда, зато ты у меня герой.

Улыбнувшись, Жилин погладил Пашку по голове.

В мае ему девяносто шестой пошёл, но старикан он был удивительно бодрый — ходил без палочки, а если ронял монетку на пол или газету, то сам нагибался и поднимал. Хотя войну отбыл от звонка до звонка, с того самого 22 июня и по август 45-го.

И сбивали его, и попадали — три дырки в шкуре провертели фрицы, а он раз за разом выкарабкивался и упорно возвращался в строй. Пятьсот сорок боевых вылетов, полсотни сбитых «мессеров», «фокке-вульфов», «юнкерсов» и прочих «хейнкелей».

Иван Фёдорович вздохнул. Разбередил его парад, растревожил...

На Красной площади он сидел неподалёку от Путина, чуть выше.

Ах, как шагали наши десантники — сильные, настоящие, умелые, brave парни! Иные из «голубых беретов» каменели лицами, а другие не могли сдерживать чувств — и улыбались белозубо, радуясь празднику, здоровью, молодости...

И опять вздох. Чего развздыхался, старый хрыч? Да всё от того же... Жизнь прошла, как ни крути!

Одно хорошо, что детей своих хоронить не довелось...

Единственное — жена покойная. Слегла однажды Алёна, да и не поднялась больше. А что вы хотите? Возраст...

Один ты зажился, Иван Фёдорович, и никак не желаешь освободить жилплощадь...

Ну, это уже стариковское брюзжание началось.

Сашка, старшенький его, не из таковых, что стариков своих со свету сжить не прочь. Да и есть у него квартира, хоть и в Мытищах.

Зятьёк его тоже не бедствует, в «манагеры» вышел, всё какими-то мудрёными делами занят, на «инг» заканчиваются...

— Алё? — послышался голос правнука. — Я у дедушки. Ага... А куда? К тёте Томе? Ура-а... Я шас! Деда, я пошёл!

Шаркая тапками, Жилин выбрался в прихожую. Пашка как раз упаковывался в свою куртку «на рыбьем меху».

— Не продует? — озаботился старый.

— Не-а! — легкомысленно ответил малый. — Пока, дед!

— Пока...

Клацнул замок, прогудели ступеньки, глуша топот юных ног — и тишина. Только «ходики» продолжали отбивать тающие секунды.

Интересно, подумал Жилин, проживёт ли он ещё один год?

Может, дотянет до сотни? Это вряд ли...

А жаль.

Хоть и говорят, что старики устают жить, но это точно не про него.

Очень хочется посмотреть, а что же дальше-то будет.

Только-только Россия подниматься стала, да сдачи давать! И Союз строится, пусть даже и не Советский, а Евразийский, да хоть такой...

Ага...

А он возьмёт, и того... скоропостижно.

— Чего ты куksiшься? — проворчал Иван Фёдорович вслух. — Тикаешь ещё, вот и радуйся...

Воображение всё равно разыгралось, и Жилин представил себе, как на следующий парад Пашка понесёт его портрет — пополнение «Бессмертного полка» ... Полковник лишь головой покачал.

Всё может быть, всё может стать... Человек внезапно смертен.

Иван Фёдорович задумался.

Он прошёл всю войну, бил фашистов с «яков» и «лавочек», и Берлин брал, и чуть было до Токио не дошёл, когда летом 45-го японцам жизни давали. А всё равно, бродила в нём, покоя лишала какая-то... неудовлетворённость, что ли? Словно не всё он сделал, что мог, не исправил ставшее непоправимым.

Жилин поугрюмел.

Что он мог? 22 июня лейтенант Жилин поднял свой «И-16» и сбил немецкий бомбовоз. Его «ишачка» тотчас же «опустили» ...

Да и куда ему было сажать истребитель, коли родной аэродром разбомбили?

До сих пор саднят эти воспоминанья — о самолётах, которым даже не дали взлететь, пожгли на земле. О лётчиках, что носились в одном исподнем, стаскивая брезент с истребителей, пытаясь завесты моторы, а в баках пусто...

Это было колоссальное унижение.

Даже при Ельцине, «опустившем» всю страну, Жилин не испытывал такого позора.

Наверное, не зря первенца окрестили Александром, в честь Суворова, а правнук даже не догадывается, что носит имя главнокомандующего ВВС РККА.

Павел Васильевич Рычагов командовал авиацией 9-й армии во время войны с белофиннами. Именно тогда младший лейтенант Ваня Жилин сбил свой первый «Фоккер»*.

* Имеется в виду не прозвище, данное советскими пилотами самолётам «Фокке-Вульф», а истребители голландской фирмы «Фоккер», поступавшие на вооружение ВВС Финляндии.

Рычагов мог выйти в «красные маршалы», стать большим человеком, но его подвела молодость, глупость и горячность.

Ещё в 35-м Рычагов ходил в старших лейтенантах, но это был прирождённый ас: за один вылет он мог накрутить двести пятьдесят фигур высшего пилотажа — так Павел Васильевич принимал новую технику, поступающую в эскадрилью.

Однажды, пилотируя У-2, он заметил, что одна из лыж встала торчком. Передав штурвал сослуживцу, Рычагов вылез из кабины на крыло и, держась за стойку, хладнокровно, ногой, выставил лыжу в посадочное положение. И готово дело!

Вот такой человек. А потом была Испания...

Старший лейтенант Рычагов под именем Пабло Планкара командовал эскадрилей «И-15». Над Мадридом и Гвадалахарой он сбил шесть «Юнкерсов» и «Фиатов».

В 38-м майор Рычагов сам попросился в Китай — бить самураев. И бил!

Отражал налёты японской авиации на Ханькоу и Наньчан, уничтожил сорок восемь самолётов противника на аэродроме в Нанкине, а потом нанёс удар по тайваньской авиабазе, после чего оттуда месяц не взлетал ни один «Зеро-сэн»*.

А карьера какая! Комэск — комбриг — комкор — главнокомандующий ВВС! Весной 41-го, когда ему едва тридцать исполнилось, Рычагов стал заместителем наркома обороны.

Падать после такого взлёта было ох как больно... Особенно если по собственной дурости.

9-го апреля на Политбюро ЦК ВКП(б) обсуждался вопрос об аварийности в авиации Красной Армии. Положение было аховое — каждый божий день разбивалось по два-три самолёта!

Рычагову сделали справедливое внушение — дескать, виной всему «расхлябанность и недисциплинированность». Мало того, нарушителей никто даже не наказывает! И что же ответил молодой замнаркома?

Вскочил, покраснел, да и ляпнул: «Аварийность и будет большая, потому что вы заставляете нас летать на гробах!»

Сталин стоял рядом, и для него эта выходка Рычагова стала плевром в лицо, самым настоящим личным оскорблением — вождь немало усилий затратил, «подтягивая» авиацию. И вдруг такая пощёчина, да ещё прилюдно!

Иосиф Виссарионович постоял, помолчал.

* Японский истребитель «Мицубиси А6М Зеро». «Сэн» от слова «сэнтюки» — истребитель.

Пошёл мимо стола, за которым сидели члены ЦК, развернулся, зашагал обратно в полной тишине. Вынул трубку изо рта, проговорил медленно и тихо, не повышая голоса: «Вы не должны были так сказать!» И пошёл опять, справляясь с волнением.

Дошагал, вернулся и повторил тем же низким спокойным голосом:

«Вы не должны были так сказать, — сделал крошечную паузу и добавил: — Заседание закрывается».

И первым покинул комнату.

Что тогда думал Рычагов, неизвестно. Через три дня недоучку-главнокомандующего сняли и направили в Военную академию Генштаба: учись, студент!

Сделал ли Павел Васильевич верные выводы в промежутке между будущим Днём космонавтики и 22 июня?

Нет.

26 июня Рычагова арестовали, а осенью расстреляли вместе с супругой, майором Марией Нестеренко, обвинённой в том, что «...будучи любимой женой Рычагова, не могла не знать об изменнической деятельности мужа».

Вот такая вот судьба. Запиликал телефон, и Жилин поспешил снять трубку.

— Да?

На том конце провода задышали, захлюпали носом, и стеклянный голос сказал:

— Иван Фёдорович? Алё!

— Леся? — удивился и обрадовался Жилин. — Ты, что ли?

— Добрый ранок, Иван Федорыч! Я...

— А Панас где? Чего не звонит? Я-то думал, он меня первым поздравит!

Леся расплакалась.

— Помер папка...

Ветеран нашарил притолоку двери на кухню и вцепился в неё.

— Ах, ты... Когда?

— Та учора! Як заснув, так и усэ... Сердце! Завтра хороним. Приезжайтэ, будь ласка!

— Конечно, конечно, Леся! А как же!

Послышались гудки, и Жилин осторожно повесил трубку, словно та была из хрупкого стекла.

— Ах, ты...

Иван Фёдорович покачал головой: Панас, Панас...

От Курска до Берлина вместе дошли, в одной эскадрилье, крылом к крылу. А сколько раз спину друг другу прикрывали? Начнёшь

вспоминать, и сразу столько всего в голове проясняется. Война была долгой...

Ветеран вздохнул. Ему очень не хотелось ехать на Украину. Очень! Но долг... Последний долг.

Жилин засуетился, собираясь в дорогу. Свой любимый, истёртый портфель он брать не стал. Зачем? Пижаму туда класть или зубную щётку? Да тут ехать-то! Таскайся потом с этой «ручной кладью»!

Махнув рукой, Иван Фёдорович вышел из дома, как был — в парадном костюме, с рядами позванивавших орденов и медалей на пиджаке. Перекантуется как-нибудь.

На метро Жилин добрался до Киевского вокзала, купил билет, занял свою нижнюю полку. Когда поезд тронулся, Иван Фёдорович настолько погрузился в прошлое, что смотрел в окно и не видел ничего. Мелькали дачи, проплывали подмосковные рощицы или развязки с суетливым трафиком, да только всё мимо, мимо...

Перевалит вам за девяносто, и соблазны реала потеряют своё притяжение. До будущего надо ещё дожить, а поспеете ли? Вот и окунаешься в омут памяти, мыслями возвращаясь к давно миновавшему...

Поезд «Москва — Одесса» прибыл в Киев ясным утром, однако Жилину почудилось, будто столица «незалежной» погружена в сумрак. словно дым от покрывшек, сгоревших на Майдане, так до сих пор и не выветрился.

Люди какие-то дёрганные, нервные, злые... Киевляне с умными лицами, с добрым выражением глаз словно прятались в толпе, уходили в себя — приглядываться надо, чтобы их заметить.

Часто реяли петлюровские «жовто-блакитные» флаги, и делалось неуютно: той Украины, что ветеран знал, больше не существовало.

УССР стала «заграницей», чужой и опасной страной, где правят фашисты. Тут ненавидят русских, обзывая их «ватниками», тут малюют свастики на могилах павших героев, а молодчики с оселдцами на головах маршируют в вышиванках и трубно ревут: «Слава України!»

Смириться с бандеровским беспределом, с внезапным «оборотничеством» некогда братского народа Жилину было неважоту.

Они с Панасом Сулимой прошли, пролетели от Донбасса до Карпат: сбивали «мессеры» и радовались, что истерзанная украинская земля обрела, наконец-то, свободу. А теперь её снова топчут фашисты!

Иван Фёдорович покривился, страдая от бессильного гнева. Вон, вышагивают!

Современные нацисты с красно-чёрными флагами не прятались, они шагали нагло, по-хозяйски. Киевляне пугливо отворачивались, а то, бывало, и сами надсаживались, выкрикивая бандеровское про хероев и Славу какого-то.

А перед Жилиным словно прокручивали старую кинохронику, где тысячные толпы «кидают зигу», истошно вопя: «Хайль Гитлер!»

Неужто даром кровь лили? Неужто те молодые, весёлые парни, чьи лица сохранились лишь на старых фото, погибли зря?

Право, будь он лет на сорок моложе, отправился бы на Донбасс — фашистов бить. Единственно только — дедам путь в молодость заказан, им даден билет в один конец.

Конец. «Game over», — как Пашка говорит.

— Кончай, Иван Фёдоровч, — буркнул себе под нос Жилин. — Разнылся!

До пятиэтажки на улице Луначарского, где проживал его однополчанин, он добрался на троллейбусе.

В тесноватой квартирке пахло тлением и воском. Народу собралось немного, человек пять: жена Панаса — бабушка со скорбным изгибом впалых губ; дочь Леся в траурном платье и трое старичков-ветеранов.

Иван Фёдорович был шестым, а майор Сулима лежал в гробу, обтянутом красным бархатом, желтолицый и словно усохший среди бумажных цветов.

Похороны — весьма нудное мероприятие.

Деловитые могильщики с лопатами скучали в сторонке, дожидаясь своей очереди — и заветной бутылки за труды.

Красноносые музыканты старательно «лабали жмурика», извлекая из расстроенных инструментов душераздирающие звуки.

Равнодушные поварихи готовили скромную снедь в кафешке, закрытой на «спецобслуживание»: постный супчик, солянка с котлетой, компот. И водка.

Земля тебе пухом, Панас...

С поминок Иван Фёдорович возвращался уже вечером, решив не задерживаться в Киеве. Как там у Чехова? «В Москву! В Москву!»

Было противно смотреть на «майданутых», на крикливые плакатики «Україна — це Європа!», на всю эту разруху в головах, на улицах и в подворотнях.

А где-то на востоке палят орудия по Донецку, обстреливая мирные дома «ватников» и «колорадов». И Жилину стало совсем тошно.

До вокзала он добирался по улице Коминтерна, лет пять как переименованной в честь украинского националиста Симона Петлюры. Ветеран не плёлся даже, а едва тащился, усталый и вымотанный, из

последних сил опираясь на палочку и укоряя себя за то, что рано сошёл с троллейбуса — надо было ещё пару остановок проехать. Немощь, немощь...

Стемнело, зажглись фонари, да и витрины с окнами добавляли света. По улице потоком катили машины — и шагала колонна бандеровцев с факелами.

Они орали, вскидывали, не стесняясь, руки в нацистском салюте, голосили, гоготали, и Жилин на миг ощутил себя Штирлицем в Берлине, наблюдающим за шествием штурмовиков. Тут пятеро или шестеро лбов отделились от толпы, привлечённые блеском орденов. Один из них, потный и волосатый, с рунами СС на майке, глумливо осклабился:

— Та цэ ж москаль, хлопци!

Его «камрад» громко икнул и сказал на чистом русском языке:

— Щас проверим. А ну, дед, скачи!

Лбы радостно заржали.

— Хто не скачэ, той москаль! — продекламировал волосатый.

Протянув руку, он ухватился за медали, висевшие у Жилина на груди, и дёрнул, срывая награды «За взятие Берлина» и «За отвагу».

— Прочь! — выдохнул Иван Фёдорович. — Мразота!

— Вате слова не давали! — ухмыльнулся волосатый и пихнул Жилина.

Старик не удержался, упал на одно колено — ногу пронзила палящая резь.

— Сволочи фашистские! — прохрипел Иван Фёдорович, из последних сил взмахивая тростью.

«Камрад», которому он съездил по колену, зашипел, выматерился и набросился на Жилина. Нога в грязном берце заехала фронтовику в живот, сбивая дыхание и опрокидывая навзничь, вломила в рёбра, в печень...

— Клятый москаль! — взвизгнул волосатый, обрушивая на голову Ивана Фёдоровича бейсбольную биту.

Боль затопила сознание, и навалилась тьма. Последним высверком света мелькнула мысль: «Game over?..»

Глава 1. «Подселение»

СССР, Сочи, 19 июня 1941 года

Жилин ощутил себя лежащим, прикрытым простынёй.

Он в морге? Помер ветеран войны, и его брненное тело перевезли в больницу? Хм. Как-то уж слишком тепло и мягко...

И пахнет не дезинфекцией, а цветами — и морем. А почему тогда темно? Иван Фёдорович открыл глаза.

Высокий белый потолок. Окна задёрнуты плотными шторами, но лучи утреннего солнца пробиваются, преломляясь в висюльках люстры. Одна из штор слегка колыхалась на сквозняке, и висюльки чуть-чуть покачивались, вызванивая почти неслышно.

Господи, да где же он? Не в мертвецкой, это точно.

Ничего не болело, не ныло, даже былая ярость угасла, сменяясь усталым безразличием.

Выпростав руки, Жилин отёр лицо, осторожно ощупал голову. Цела... Сердце дало сбой — и забилося чаще.

Это были не его руки!

Не сухие и мосластые, в старческих конопушках, а вполне себе молодые, сильные. Упругая гладкая кожа рельефно бугрилась, очерчивая крепкие мышцы...

И, как гром с небес, сонный женский голос:

— Проснулся, котя?

Иван Фёдорович резко повернул голову.

Опираясь на локоть, ему улыбалась молодая женщина, оголяя стройную шею, и без того выделенную короткой причёской, и покатые царственные плечи.

Лицо её можно было назвать простым, страшеньким даже, но улыбка здорово красила его, придавая чертам миловидность.

— Проснулся наш Пашенька, проснулся наш генеральчик... — нежно заворковала она и села, потягиваясь, бесстыдно выставляя тугие круглые груди. Наклонившись к Жилину, она прошептала нежно, подлаживаясь: — Доброе утро, котя. Как спалось?

— Станный какой-то сон, — пробормотал полковник, не узнавая свой голос.

Женщина игриво рассмеялась и стянула с него простыню. Прижалась, обдавая теплом, и руки Жилина сами, без ведома хозяина, стали гладить налитое, шелковистое, горячее.

— Машенька... — слетело с его губ.

Что? Это он сказал? Откуда он знает эту женщину?

На последующие десять или пятнадцать минут рассудок вообще отключился, подчиняясь душным плотским желаниям. Жилин овладевал женщиной со всей страстью скупердяя, вдруг обретшего утерянное сокровище. И со страхом ожидал, что вот-вот откажет сердце, не выдержав утех, однако «моторчик» тарахтел, как ни в чём не бывало, лёгкие вбирали воздух, как мехи, а руки хватали стонавшую женщину за грудь, за попу, сжимали, тискали, мяли, гладили...